

Л.М. Бондарева

Когнитивная деятельность пове-
ствователя
в немецкоязычных мемуарно-
автобиографических текстах

В последние десятилетия повышенный интерес у лингвистов вызывает новый междисциплинарный подход к изучению языковых явлений, который направлен, прежде всего, на описание и объяснение ментальных языковых структур и языковых процессов. При этом в качестве основного постулата когнитивно ориентированной лингвистики выступает мысль о том, что языковые способности детерминируются закономерностями структурирования и функционирования человеческого мозга, а язык поддается описанию как автономная подсистема совокупной когнитивной системы. В центре внимания оказывается, таким образом, целый ряд вопросов: какие когнитивные механизмы конституируют языковые способности? какие когнитивные процессы определяют характер языкового употребления? каковы взаимосвязи, существующие между языковой системой и другими когнитивными системами? и т.д.

В подобной связи весьма интересным представляется анализ функционирования языковых единиц, отражающих специфические когнитивные процессы, которые лежат в основе порождения наиболее репрезентативной группы текстов ретроспективной направленности, а именно *мемуарно-автобиографических текстов*. Как известно, данные тексты являются по своей сути творческой реконструкцией автором воспоминаний фактов и обстоятельств из лично пережитого им прошлого опыта. К числу их существенных особенностей относится включение повествующим субъектом в ряд объектов своей когнитивной деятельности наравне с прошлой реальной действительностью, обществом и собственным былым *Я*, т.е. изображенным субъектом, самого *процесса воспоминаний*, вследствие чего предметом специальной интерпретации становится для него феномен памяти. Экспликация подобной деятельности творческого субъекта обычно осуществляется на композиционно-речевом уровне текста в форме соответствующих авторских рассуждений. Наиболее часто память и ее ак-

туализаторы-воспоминания трактуются мемуаристами как некие имманентные креативные силы, функционирующие в человеческом сознании по своим собственным законам.

Одним из важных моментов в семантической структуре текстов воспоминаний следует считать осмысление повествователем основных элементов памяти – запечатления информации, ее сохранения и воспроизведения¹. Однако при возникновении в сознании автора некоторых сомнений в отношении точности воспроизведения фактов прошлого опыта происходит признание им субъективности собственных воспоминаний, что сопровождается акцентуацией вероятностного характера изображаемого. В итоге в упомянутых текстах встречается ряд соответствующих языковых средств, являющихся лексико-грамматическими экспликаторами процесса забывания и обладающих разной степенью интенсивности, что также представляет собой любопытный объект лингвостилистических исследований.

Необходимо подчеркнуть, что специфическими объектами когнитивной деятельности мемуаристов и автобиографов неизбежно становятся *периферические виды личностной памяти*: именно с их функционированием связаны первые этапы на пути перехода стимульной сенсорной информации, лежащей в основе порождения воспринимаемого, вспоминаемого и осмысливаемого повествователем мира, в вербальную кратковременную память, а из нее в долговременное запоминание². Актуальность таких воспоминаний эксплицируется на лексическом уровне постоянными маркерами – *noch, immer noch, noch heute, noch jetzt* и т. д.

Ведущая роль в процессе консервации определенной информации, безусловно, принадлежит *иконической*, т.е. зрительной памяти, способствующей сохранению в сознании повествователя отчетливых картин прошлого, продолжающих как бы “стоять” перед его мысленным взором, что порой граничит с проявлениями эйдетики. Своим внутренним зрением повествующий субъект “видит” так, как воспринимал их когда-то изображенный субъект, различные запомнившиеся ему объекты и явления, а основным лексико-семантическим актуализатором подобного вида памяти в тексте служит функционирующий в презенсном плане повествующего субъекта глагол *sehen*, доминирующий в группе глаголов с семантикой восприятия внешнего мира органами зрения. Данная глагольная форма может внедряться в претеритальный план изображенного субъекта в составе сверхфразового единства или в рамках одного предложения, а также являться в соответствующих фрагментах текста связующим звеном между претеритальным или презенсным планом и характерной формой *praesens historicum* при развернутом изображении наиболее ярких зрительных образов, причем довольно часто, в составе конструкции *accusativus cum infinitivo*:

“Die nordischen Leute *schienen* Mörike zu gefallen (...) *Noch sehe* ich ihn mit meinem Vater (...) in aufmerksamer Betrachtung vor der Schillerstatue *stehen* (...) *Plötzlich wendet Mörike sich* zu mir und *sagt* mit großer Herzlichkeit... (курсив наш. – Л.Б.)”³

Порой яркий зрительный образ-следствие может служить основой реконструкции предшествующего факта-причины, т.е. действия или процесса, в аутентичности которого повествующий субъект не уверен, но которое логически восстанавливается им на основе запечатлевшегося в памяти последующего события. Гипотетичность такого факта-причины выражается на лексико-грамматическом уровне презенсной формой глагола *müssen*, обладающего субъективной модальностью в значении предположения, в сочетании с Infinitiv II смыслового глагола, а логическая взаимосвязь причины и следствия передается союзами *denn* или *weil*. Так, во фрагменте автобиографии Э. Канетти "Die gerettete Zunge" повествователь отчетливо видит своим внутренним зрением картину массового скопления народа на улице в ночь прохождения по небу гигантской кометы, из чего он делает вывод о том, что, вероятно, они с отцом также выбежали на улицу, охваченные общим волнением:

“Wir *müssen* aber dann doch *ausgegangen sein*, *denn ich sehe* die Menschen auf der Straße vor mir, es war alles sehr verändert”⁴.

Аналогично, только по деталям ландшафта, стоящим перед глазами автора воспоминаний, в частности, по особой прозрачности холодного воздуха, повествователь в автобиографии Т. Фонтане "Meine Kinderjahre" предполагает, что реконструируемый им день был весенним. По запечатлевшемуся в сознании изображенного субъекта отсутствию людской суеты на находившемся в поле его зрения корабле и в расположенном поблизости от него укреплении повествующий субъект относит этот день однозначно к воскресенью. При этом первое предложение анализируемого текстового фрагмента является постулированием конкретных темпоральных координат, относящихся к описываемому факту, а последующее предложение представляет собой цепь логических доказательств истинности данного постулата: сначала – в форме авторского предположения, выраженного глагольной конструкцией субъективной модальности (*muß... gewesen sein*), затем – в виде утверждения, актуализируемого глаголом *beweisen* (*was mir des ferneren beweist, daß...*). Обращает на себя внимание функционирование глагольного словосочетания *vor Augen stehen*, выступающего в роли синонима к основному глаголу *sehen*:

So dachten wir auch *eines Sonntags* im April 31. Es *muß* um diese Jahreszeit *gewesen sein*, *weil* mir noch der klare und kalte Luftton *vor Augen steht*. Auf dem Schiffe war keine Spur von Leben und am Bollwerk keine Menschenseele zu sehen, was mir des ferneren *beweist*, daß es *ein Sonntag* war⁵.

Следующей по значимости среди периферических видов памяти, нашедших свое отражение в мемуарно-автобиографических текстах, являет-

ся *эхоическая память* (термин У. Найссера), заключающаяся в “точной реплике акустических событий, которая продолжает звучать в нас после их окончания”⁶. Такими акустическими событиями могут быть отдельные слова и фразы, тон и тембр человеческого голоса, звуки музыки, различные слуховые раздражители из окружающей действительности и т.д. Лексическими актуализаторами этого вида памяти являются глаголы с семантикой слухового восприятия и воздействия на органы слуха (*hören, im Ohr haben, im Ohr klingen* и др.), напр.:

“... das Wort klang drohend und klagend zugleich, ich *habe es im Ohr, als wäre ich gestern bei ihm* (Großvater. – Л.Б.) *zu Besuch gewesen*”⁷.

Наконец, объектом воспроизведения в текстах воспоминаний может стать и *тактильная*, т.е. рецепторная память, связанная с ощущениями, получаемыми посредством органов осязания (“память кожи”, по образному выражению М. Фриша), которая иногда играет доминирующую роль в процессе запечатления информации в сознании изображенного субъекта.

Впрочем, наибольшей интенсивностью по степени воздействия на повествователя обладают воспоминания, связанные с проявлением *эмоциональной памяти*. Характерно, что в отдельных случаях эмоциональные пики в психологическом состоянии изображенного субъекта могут приводить к провалам памяти, но обычно сильные эмоциональные переживания, потрясения и просто душевные состояния, отличающиеся от ординарного самоощущения повествователя, без труда оживают в памяти повествующего субъекта, что сопровождается реконструкцией вызвавших их событий.

Естественно, что практически все воссоздаваемые повествующим субъектом факты имеют эмоциональную окраску, поскольку авторская апперцепция лежит в основе любого субъективированного повествования. Однако в случае воспроизведения фактов из сферы эмоциональной памяти речь идет о буквальном переживании повествователем определенного чувства во всей его полноте и силе.

Ряд эпизодов в мемуарно-автобиографических текстах, принадлежащих, в частности, известным немецким писателям, связан с положительными эмоциональными переживаниями, причиной которых, кроме чисто личных факторов, могут являться обстоятельства, обусловленные профессиональной писательской деятельностью повествователя. Так, незабываемой для повествующего субъекта в автобиографии Кл. Манна «Der Wendepunkt» представляется атмосфера духовного единения изображенного субъекта-автора с актерами и зрителями на премьере английского варианта одной из его пьес:

“Die Eröffnungsvorstellung von "It can't happen here" (englische Version) *bleibt mir unvergesslich*. Nicht so sehr wegen ihrer künstlerischen Meriten..., als *um der Atmosphäre willen*, die im Saal und auf der Bühne herrschte, das Publikum und Darsteller miteinander verband”⁸.

Отдельного упоминания заслуживает в указанной связи тот факт, что более интересным феноменом, нашедшим отражение в текстах воспоминаний, является эмоциональная память повествователя на информацию негативного содержания. В психологической литературе давно отмечено, что неприятное помнится человеком дольше, чем многие положительные моменты, т.к. негативные явления оказывают более сильное воздействие на эмоциональную сферу личности. Особенно ярко это проявляется в детском возрасте, когда определенные факторы могут ранить нежную душу ребенка и вызвать долговременные устойчивые отрицательные эмоции, воспоминания о которых человек хранит до конца жизни. Подобное обстоятельство констатирует повествующий субъект в автобиографии А. Шницлера «Jugend in Wien», подчеркивающий, что более глубокий след в его памяти по сравнению с другим параллельным радостным событием оставила история, связанная с его первой серьезной жизненной неудачей:

“An diese fröhliche, doch so gut wie erloschene Erinnerung knüpft sich eine andere, etwas peinlichere, wahrscheinlich darum um soviel deutlichere an, die Erinnerung an meinen ersten ausgesprochenen Mißerfolg”⁹.

Никаких воспоминаний, кроме чувства глубокого разочарования вследствие обещанного, но несостоявшегося чуда, не оставил в душе повествователя первый школьный день, воспроизведенный в “детской” автобиографии Л. Ренна "Meine Kindheit und Jugend". Следует отметить, что оценка данного события дана глазами изображенного субъекта, о чем можно судить по эмоциональному восклицанию и последнему высказыванию в соответствующем фрагменте текста, где учитель характеризуется прилагательным *albern*. Ведь с точки зрения взрослого повествующего субъекта поступок учителя, господина Хаза, с демонстрацией “волшебного ящика” с буквами можно расценивать лишь как педагогический прием, рассчитанный на абсолютно не подготовленных к школе детей, к каковым изображенный субъект явно не относился:

“Aus dieser Zeit habe ich wenig klare Erinnerungen und weiß nichts mehr vom ersten Schultag. *Nur eine Enttäuschung ist mir deutlich*. Herr Haase, unser Lehrer, sagte uns, er hätte einen Zauberkasten... Dabei deutete er mit einem besonderen Lächeln auf einen schwarzen Kasten an der Wand und zog etwas heraus. Es war ein schwarzes Brettchen mit einem weißen Buchstaben darauf, *weiter nichts!*

Sonst pflegte er nicht *so albern* zu sein... ”¹⁰

Впрочем, запоминаться могут не только сами события с негативной эмоциональной окраской, но и лишь негативные эмоции как таковые без четкого представления объекта, явившегося их непосредственным источником. В уже упомянутой автобиографии Т. Фонтане повествующий субъект может только предполагать, что ожидало его под рождественской

елкой, поскольку самым глубоким впечатлением изображенного субъекта оказалось чувство разочарования от несбывшихся надежд:

“Und nun zögerten wir auch nicht länger und entfernten die Serviette. *Was obenauf lag, weiß ich nicht mehr*, vielleicht zwei große Pfefferkuchenmänner oder ähnliches, jedenfalls *etwas, was uns enttäuschte*”¹¹.

При слиянии нескольких ощущений в единое целое и формировании картины восприятия факта сразу из нескольких источников следует говорить о явлении своеобразной мнемонической *синестезии*, также нашедшем свое отражение в мемуарно-автобиографических текстах. Естественно, что лексическими актуализаторами такого синтетического переживания действительности являются глаголы, отражающие все виды сенсорных ощущений и функционирующие в пределах одного высказывания или сверхфразового единства: *sehen, hören, riechen, spüren, fühlen* и др. Усилительную функцию при этом выполняет повторяющееся наречие *noch* (*noch heute, noch jetzt*), подчеркивающее устойчивость запечатлевшейся в памяти повествователя картины:

“Diesmal gab es Brathähnchen. Ich erinnere mich kaum an ein Essen, aber bei diesem *sehe ich noch* die braune, knusprige Haut, *rieche* heißes Fett und *höre* Olgas lebhaft Stimme”¹².

Определенную роль в духовной жизни повествователя играет *ассоциативный вид памяти*, предполагающий устойчивую и повторяющуюся реконструкцию в сознании автора конкретного факта прошлого опыта в результате воздействия на него в более поздний период другого факта, связанного сложными отношениями субъективного характера с базовым. Подобные ассоциации, возникающие по смежности, сходству, противоположности и т.д., сопровождаются особенно ярко выраженной эмоциональной окраской. Так, в автобиографии Г. Гауптмана "Das Abenteuer meiner Jugend" вид любого голубого платка вызывает у повествователя даже по прошествии шестидесяти с лишним лет целый комплекс положительных переживаний, поскольку такой платок носила на плечах девушка, являвшаяся предметом тайной любви изображенного субъекта в юношеском возрасте:

“*Zauber, elektrische Schläge, Erschütterungen mit schwerem Herzklopfen sind damals von diesem schlichten Schultertuch* ausgegangen, das zum Glück für mich die Besitzerin immer trug. Wie stark muß damals *die Faszination* gewesen sein, da ich *noch heut*, sechzig und mehr Jahre später, *von jedem blauen Tuch*, das mir irgendwo von fern in die Augen fällt, *seltsam erregt und flüchtig beglückt werde*”¹³.

В данном случае речь идет о функционировании иконического образа в роли стимула для запуска механизма эмоциональной памяти автора, свидетельством чему являются глагольное словосочетание с семантикой зрительного восприятия *in die Augen fallen* и ряд абстрактных существи-

тельных и qualificativen наречий, относящихся к сфере душевного состояния человека (*Zauber, Erschütterungen, Faszination; erregt, beglückt*).

Нередко в основе ассоциативного воспоминания, сопровождающегося реконструкцией соответствующего зрительного образа, находится яркое акустическое ощущение (например, конкретное музыкальное произведение), как это наблюдается в автобиографии А. Шницлера. Тема слухового восприятия определенного факта, в подразумеваемом случае – увертюры к опере Россини, задается целым набором ключевых существительных (*eine Art Orchestrion, Musikstücke, Ouvertüre, Rhythmus, Nachklang*), а процесс порождения иконического образа как результата воспоминания эксплицируется в словосочетании *aus der Tiefe der Zeiten emportauchen*, причем, сема зрительного восприятия актуализируется в прилагательном *halbdunkel*:

“Kaum war man von der Mahlzeit aufgestanden, so setzte mein Onkel *eine Art Orchestrion* in Tätigkeit, das... unter anderen *Musikstücken die Rossinische Tell-Ouvertüre* zum besten gab *mit einem dumpfen Rhythmus der Trommeln, in deren Nachklang* mir auch *gleich wieder... das halbdunkle, altväterisch möblierte Zimmer des Onkels aus der Tiefe der Zeiten emportaucht*”¹⁴.

Итак, вполне очевидно, что процесс познания творческим субъектом собственного прошлого, находящий свое отражение в мемуарно-автобиографических текстах, представляет собой чрезвычайно любопытный феномен не только с точки зрения когнитивной психологии, но и с позиций когнитивной лингвистики. Любой ментальный механизм, функционирующий в ходе реконструкции и осмысливания повествователем лично пережитого, реализуется в речевом плане в конкретной совокупности соответствующих лексико-грамматических средств, которые обладают определенной иерархией и подлежат в связи с этим обработке на базе обширного текстового материала с целью их систематизации и инвентаризации.

---

¹ См. подробнее: *Бондарева Л.М.* Структура и функции субъекта речевой деятельности в текстах мемуарного типа: на материале современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. С. 11 – 13.

² Ср.: *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982. С. 62.

³ *Storm Th.* Meine Erinnerungen an Eduard Mörike // *Dichter über Dichter: Lit. Porträts von Goethe bis Fontane.* München, 1976. S. 338 – 339.

⁴ *Canetti E.* Die gerettete Zunge: Geschichte einer Jugend. München, 1988. S. 19.

⁵ *Fontane Th.* Meine Kinderjahre: Autobiographischer Roman. Leipzig, 1971. S. 175.

⁶ *Величковский Б.М.* Указ. соч. С. 132.

⁷ *Canetti E.* Op. cit. S. 26.

⁸ *Mann Kl.* Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. Berlin u. Weimar, 1979. S. 448 – 449.

- ⁹ *Schnitzler A.* Jugend in Wein: Eine Autobiographie. Berlin u. Weimar, 1985. S. 15.
- ¹⁰ *Renn L.* Meine Kindheit und Jugend. Berlin, 1957. S. 40.
- ¹¹ *Fontane Th.* Op. cit. S. 193 – 194.
- ¹² *Renn L.* Op. cit. S. 166.
- ¹³ *Hauptmann G.* Das Abenteuer meiner Jugend. Berlin u. Weimar, 1980. S. 190.
- ¹⁴ *Schnitzler A.* Op. cit. S. 56.